

И.В. Арзамасцев

I.V. Arzamastcev

**УЧАСТИЕ КОРПУСА ПОНЯТОВСКОГО В
БОРОДИНСКОМ СРАЖЕНИИ
ПО МЕМУАРАМ ГЕНРИХА ДЕМБИНСКОГО**

**PARTICIPATION OF PONIATOVSKY'S CORPS IN
THE BATTLE OF BORODINO ACCORDING TO THE
MEMOIRS OF HENRY DEMBINSKY**

Статья посвящена проблеме освещения Бородинской битвы в польской историографии. Автор мемуаров Г. Дембинский – один из руководителей польского восстания и участник Бородинского сражения, воевавший в составе 5-го корпуса Понятовского, входившего в армию Наполеона, ставит перед собой задачу создания некоего мифа о значительной роли польского корпуса и чуть ли не решающей его роли в Бородинском сражении, что противоречит известным историческим фактам. В то же время изучение мемуаров Г. Дембинского позволяет дополнить другие польские источники мемуарного характера.

The article is devoted to the problem of coverage of the Battle of Borodino in Polish historiography. The author of the memoirs G. Dembinski, one of the leaders of the Polish uprising and a participant of the Battle of Borodino, fought in the 5th corps of Poniatowski, which was a part of Napoleon's army, aims to create a certain myth about the important role of the Polish corps and almost decisive his role in the Battle of Borodino, which is contrary to known historical facts. At the same time, the study of G. Dembinsky's memoirs allows us to supplement other Polish sources of a memoir character.

Ключевые слова: Бородинская битва, Генрих Дембринский, мемуары, наполеоновские войны, 5-й польский корпус, Ю. Понятовский.

Keywords: Battle of Borodino, G. Dembinski, Poniatovsky's corps, Polish historiography, the Patriotic War of 1812.

Генрих Дембинский – достаточно заметная личность в польской истории. Участник похода Наполеона в Россию в 1812 году в составе 5-го корпуса Юзефа Понятовского и один из руководителей восстания 1830 года. Его мемуары были опубликованы в Познани в 1860 г. под названием «Воспоминания Генриха Дембинского генерала польских войск»¹.

В историографии, посвященной Бородинскому сражению, мемуары Дембинского, как и мемуары Людвиг Ельского, цитируются неоднократно. Однако полностью на русский язык они не переводились. Написанные в 1859 г. воспоминания охватывают период с рождения автора до отступления наполеоновских войск из России и прибытия его в Варшаву.

Родился Генрих Дембинский в 1791 г. Он происходил из знатного рода Дембинских герба Нечуя галицийской ветви, позже внесенной в 1-ю часть родословной книги Виленской губернии. Его отец Игнатий Дембинский был Краковским хорунжим и участником восстания Т. Костюшко. Сам Дембинский всю свою жизнь сражался против Российской империи и ее союзников. В 1807–1808 гг. он учился в инженерной академии в Вене. Бросив академию в 1809 г., Дембинский поступил на службу в армию Герцогства Варшавского. В своих мемуарах он описывает тот душевный подъем, который испытал, присоединившись к Великой армии. Под Смоленском сам Наполеон вручил ему чин капитана, о чем Дембинский пишет в своих мемуарах².

В Бородинском сражении в чине капитана 5-го кавалерийского полка он находился в окружении Ю. Понятовского, как он сообщает в своих мемуарах. За сражение под Лейпцигом Дембинский награжден орденом Почетного легиона. После поражения армии Наполеона, получив амнистию, жил в Польше, и в 1825 г. был депутатом третьего сейма Царства Польского.

Во время Польского восстания 1830–1831 гг. в чине полковника командовал кавалерийской бригадой и был произведен в дивизионные генералы. В августе 1831 г. Дембинский назначается губернатором Варшавы и тогда же очень ненадолго становится

командующим всеми повстанческими силами. После поражения восстания эмигрирует в Париж, где входит в близкий круг Адама Чарторыйского.

Польское восстание 1830–1831 гг. рассматривалось современниками как попытка снова поднять враждебные России «бонапартистские силы» в Европе, которые могли вызвать новую войну. Об этом писал А.Г. Тартаковский в своей монографии «1812 год и русская мемуаристка». Касаясь вопроса отражения 25-го юбилея окончания Отечественной войны и вхождения русских войск в Париж в мемуаристике Тартаковский отмечал: «Ключевым моментом явилось здесь польское восстание 1830–1831 гг., осложненное внешнеполитическими последствиями европейских революций. Фактическое отделение в ходе восстания Польши от Российской империи, претензии на отторжение от нее украинских и белорусских, литовских земель и детронизация династии Романовых глубоко уязвили национальные чувства широких кругов русского общества и дворянства прежде всего, а призывы со стороны Франции к вооруженному вмешательству в русско-польский конфликт, который, казалось, мог перерасти во всеобщий поход западных держав против России, еще более эти чувства обострил. Угроза новой войны, поднимавшейся на волне революций, наподобие той, что пришлось пережить в начале века, с необычайной силой всколыхнула воспоминания о французском нашествии...»³. Герой Отечественной войны знаменитый Денис Давыдов «даже считал, что война с Польшей едва ли не была грознее войны 1812 года»⁴.

Во время Венгерской революции 1848 г. Дембинский участвовал на стороне повстанцев в сражениях против Австрии и был даже главнокомандующим венгерскими войсками. После подавления восстания бежал в Османскую империю, где служил в армии турецкого султана Махмуда II.

В своих мемуарах, состоящих из 16 глав, Генрих Дембинский достаточно подробно повествует о своей юности, учебе в академии в Вене и своих приключениях при вступлении в наполеоновскую армию. Определенный интерес вызывают картины быта курсантов академии и офицеров-участников русского похода наполеоновской армии⁵.

В отличие от мемуаров Л. Ельского, который столь подробно описывает путь следования 5-го корпуса Юзефа Понятовского от границы Российской империи до Москвы, так что его движение без труда можно проследить по карте от Смоленска до Бородино, сделать это исходя из воспоминаний Дембинского не представляется возможным. К этому следует добавить почти полное отсутствие топонимических данных. В связи с этим во многом нарушается пространственно-временная связь. Вообще характерной особенностью мемуаров Дембинского является то, что они, как правило, состоят из отдельных эпизодов, соединенных в единое целое достаточно произвольно без учета времени и пространства. Наиболее ярко это проявилось в описании Бородинского сражения, которому посвящена часть девятой главы, озаглавленной «Движение наше с Великой армией до сражения под Можайском»⁶.

Описание Бородинского сражения начинается с боя за Шевардинский редут, однако автор не сообщает никаких важных данных, дополняющих другие источники. Единственная подробность – это упоминание 57-го линейного полка французской пехоты. Дембинский пишет: «Он [Наполеон] раздраженный сопротивлением каким москали ему оказывали, послал нам в помощь 57-й полк французской линейной пехоты». И далее: «После кровавого боя редут с орудиями попал в наши руки, захватил его посланный нам в помощь французский полк»⁷. Следует подчеркнуть, что перед нами скорее передача общего эмоционального впечатления от кровопролитного сражения, чем взвешенная оценка профессионального военного: «Я участвовал во многих сражениях, но за всю свою жизнь я не припомню, чтобы я видел столько трупов, лежащих так густо. Мой конь перескакивал через них как коза, так как не мог ступить ни шагу, чтобы не наступить на труп москаля или солдата 57-го полка.»⁸

Характерной особенностью мемуаров является тот факт, что в них, фактически, отсутствует описание событий, которые развернулись на Старой Смоленской дороге – главном стратегическом направлении наступления 5-го корпуса Понятовского, и которые находятся в центре повествования других польских мемуаристов, в частности, Л. Ельского и К. Колачковского⁹.

Описание сражения начинается у Л. Ельского с артиллерийского залпа, прозвучавшего со стороны французских позиций в сторону неприятеля: «7 го [сентября] в 4 часа утра выстрелом из пушки был дан сигнал корпусам о начале сражения. Князь Понятовский, направив корпус под деревню Утицы, установил на кургане, доминирующем над местностью, батарею и оттуда открыл артиллерийский огонь. Спустя некоторое время польская артиллерия заставила замолчать русскую, а батальон третьего полка под командой Курциуша продвинулся до деревни, отражая атаки егерей в деревне и на поле, другие два батальона того же полка под предводительством полковника Блумера, миновав деревню, оттеснили русских из леса справа и слева, после чего корпус, выстроенный в две линии, встал в позиции у деревни, примыкая к вестфальскому корпусу и корпусу маршала Даву, располагая свою конницу по правой стороне там, где показывалась колонна неприятельской конницы.»¹⁰

В отличие от Ельского описание Колачковского выдержано в более деловом тоне и больше напоминает военные донесения: «После прочтения приказа 5-й корпус двинулся на предназначенную ему позицию на правом крыле боевой линии и занял старый Смоленский тракт»¹¹.

Важно отметить, что в мемуарах Ельского и Колачковского упоминается курган, господствующий на местности, откуда польские батареи обстреливали деревню Утицы.

Ничего этого нет в мемуарах Г. Дембинского. Однако в них достаточно подробно описывается продвижение «на предназначенную позицию» в районе Старой Смоленской дороги, что значительно дополняет мемуары Ельского и Колачковского. Вопрос о пути следования 5-го корпуса Ю. Понятовского представляется весьма важным для общего хода Бородинского сражения.

В настоящее время в историографии утвердилось мнение В.Н. Земцова и А.И. Попова о том, что движение 5-го корпуса проходило через Ельню. В своей монографии, посвященной событиям на южном фланге они пишут, цитируя Понятовского: «В 4 часа поляки встали под ружье»¹². «5-й корпус выступил в пять часов утра, – пи-

сал Понятовский. – Совершив обход леса, мы прибыли на старую дорогу из Смоленска в Москву; мы последовали по этой дороге». Таким образом, поляки не пошли через лес, а обогнули его, и у Ельни свернули на Старую Смоленскую дорогу, что удлинит их путь на 8 км»¹³.

Однако, если верить Дембинскому, поляки еще до вступления на Старый Смоленский тракт уже находились в непосредственной близости от Семеновских флешей, откуда они могли видеть, что южная флешь захвачена французами. Таким образом, перед нами явное противоречие между предположением, высказанным авторами монографии о событиях на южном фланге, опирающихся на мемуары Понятовского, и сведениями, почерпнутыми из мемуаров Дембинского: «Князь Понятовский, досконально мог оценить обстановку на поле боя и выбрать из всех решений самое выгодное. Он видел, что Багратион утратил свои позиции. Все шансы главной линии обороны русских были заняты нами с тылу, и в связи с этим Понятовский отдал следующее распоряжение: Во-первых нашим четырем полкам развернуться фронтом в две линии, при том, что неприятель продолжал атаковать нас сильным артиллерийским огнем. Мы простояли так некоторое время, пока не подошла наша пехота. Под защитой расширенного фронта и шести наших орудий, миновав нас, пехота начала выстраиваться перед нашей позицией. Неприятель нас громко приветствовал, особенно гранатами. Помню как под командиром, кажется это был 17-й пехотный, князем Константином Чарторыйским гранатой убило коня, увесистый осколок поразил его в бок. Скорым временем пехота, насчитывающая 600 человек и стоящая перед нами начала готовиться к бою. Князь Понятовский приказал нашим четырем полкам построиться в колонну поэскадронно. Все четыре полка выстроились в форме четырехугольника и двинулись вперед, заняв позицию в кустах ольхи, которыми было окружено наше правое крыло и которые предназначались на случай отвода пехоты. Полк наш входил в состав левого крыла колонны так, что мы первыми должны были ударить на шанцы Багратиона»¹⁴.

Основное внимание Дембинского сосредоточено на эпизоде с Себастьяни, который не находит отражение в других источниках. Но самое интересное, что именно совет Себастьяни Понятовскому – приостановить наступление – рассматривается автором как главная причина, повлиявшая на общий исход Бородинского сражения. Отсюда напрашивается вывод, не объясняется ли задержка 5-го корпуса и изменение движения в сторону Ельни тем, что Понятовский прислушался к Себастьяни и приостановил наступление в первоначальном направлении, о чем пишет Дембинский. В связи с важностью данного эпизода я позволю себе процитировать полностью данный фрагмент из мемуаров Дембинского:

«Князь Понятовский уже должен был дать приказ атаковать, когда на наше несчастье случилось приехать генералу Себастьяни, который обратился к Понятовскому: «На милость Божью, князь, что ты хочешь делать? Казаки между нами и французами, а французская армия состоит преимущественно из пехоты, окруженные мы будем отрезаны, и все наши усилия окажутся напрасными». Князь с видимым знаком неудовольствия слушал Себастьяни и удерживал своего коня вместе с целой колонной. Я могу описать все подробности, так как находился в это время рядом с князем, видя, что он намеревается атаковать противника. Через мгновение он поскакал вместе со своим штабом, направляясь влево к росшим кустам, где, как уверял Себастьяни, находилась французская армия, и спустя немного времени наш полк получил приказ выступить за князем. Здесь мы образовали фронт так, что наше правое крыло расположилось впритык к тому месту, где располагалась батарея Багратиона, при этом наша позиция была обращена в сторону кустов. Мы оказались в невыгодном для нас положении, поскольку неприятельский косой огонь в самое непродолжительное время вырвал из наших рядов 40 человек, и среди них всеми любимого подпоручика Вержбицкого из Любеля. Князь Понятовский, высматривая французов, продолжал ездить перед кустами, приподнявшись на стременах. Однако тех там не было, не обнаружили их и тиральеры, высланные вперед, однако русских тиральеров (стрелков-егерей) было предостаточно. Посто-

янно из кустов появлялись четверо или пять русских егерей и брали князя на прицел, но к счастью ни один из них не попал в него. Пехота наша вскоре открыла по ним огонь, загнав их глубже в кусты, но они упорно оборонялись, и из кустов вышли ранеными полковник Вайсенхоф, майор Суходольский и ряд других»¹⁵.

На этом Дембинский фактически заканчивает описание событий, развернувшихся в районе Старой Смоленской дороги. Он пишет: «Сражение, продолжавшееся до самых сумерек, носило как наступательный, так оборонительный характер. Только под вечер войска Багратиона оставили свои позиции, защищать которые уже не было никакого смысла, так как главная линия обороны, представляющая редуты, располагавшиеся напротив фронта французской армии были окружены и захвачены тяжелой французской кавалерией»¹⁶.

Далее он переходит к общей оценке Бородинского сражения: «Кровопролитный это был бой. Двое предводителей корпуса тяжелой кавалерии один за другим погибли – Монбрэн и Коленкур. Наша польская кавалерия, которая находилась при главной армии тоже понесла немалые потери, погиб командир 3-го уланского полка Раджиминский. Жестокий это был бой в густых кустах, так как беспомощный тяжело раненный человек, оказавшийся здесь без всякой помощи должен был погибнуть, так как никто не смог бы его найти. Так погиб любимец своего полка отважный Раджиминский, которого так и не смогли найти. Так же в районе Смоленска во время атаки моста через Днепр среди густых клубов дыма погиб и генерал Грабовский, смерть которого его адъютант и мой приятель Сечень, раненый в этом бою штыком, не увидел. Во время битвы под Москвой, а вернее под Бородино, так называлась деревня, которую москали сожгли, чтобы не дать возможность подойти к шансам, мы с грустью смотрели на многочисленную колонну императорской армии, находившуюся за центром французской армии и стоящую далеко от огня. Если бы император, командовавший нашим польским корпусом, состоявшим из 8000 отборных солдат и носившим название «Легион Висла» под командованием генерала Хлопицкого, который входил в Старую гвардию, на день битвы присоединил к войскам Понятовского, мы бы уже в 9 часов утра отбро-

силы бы корпус Багратиона и все дальнейшие столкновения с императорской армией были бы предотвращены. Может быть мы и без этого отбросили бы Багратиона, если бы не злополучный совет Себастьяни. Князю Понятовскому сложно было не принять его совет. Несмотря на то, что Себастьяни находился под его началом в качестве командира наших четырех полков [легкой кавалерии], было заметно, что император был к нему более расположен, чем к князю Понятовскому. В течении всего похода Себастьяни пользовался каждой возможностью, чтобы понравиться императору. Я сам как то был послан к Понятовскому, чтобы выяснить, как он собирается действовать и каким образом он собирается наилучшим образом поддержать Себастьяни. В общем то, что наступило на следующее утро после битвы подтвердило то расположение, которое император испытывал к нему, когда после смерти Монбрена и Коленкура, Себастьяни был назначен командующим тяжелой конницей императорской армии. После отступления Багратиона и даже во время самого отступления мы пытались атаковать и овладеть его позицией, но не получили поддержки. Но нам все же удалось захватить ту позицию, с которой до этого по нам вели артиллерийский огонь. Но поскольку мы находились в густых зарослях и ночь была темной, то продолжать наступление было невозможно»¹⁷.

Так Дембинский заканчивает описание Бородинского сражения, полностью искажая общую картину того, что на самом деле происходило в районе боев на Старой Смоленской дороге. При этом действия 5-го корпуса Понятовского, не выполнившего поставленной перед ним Наполеоном задачи – выйти в тыл позиции 2-й Западной армии Багратиона с целью нанесения ей удара, окружения и последующего разгрома – преподносится как доблестная победа, а действия корпуса на данном направлении как решающий вклад в победу наполеоновской армии при Бородино.

В заключении хочется высказать предположение, что именно «эпизод с Себастьяни» вызвал изменение движения корпуса Понятовского, направив его в сторону Ельни.

Обращает на себя внимание в мемуарах Понятовского следующий момент: «Совершив обход леса, мы прибыли на старую дорогу

из Смоленска в Москву; мы последовали по этой дороге». Именно «обход леса» и был вызван вмешательством Себастьяни и отпором русских егерей, засевших в кустах. В связи с этим становится понятным, почему «эпизод с Себастьяни» не получил отражение в польской мемуаристике, посвященной Бородинскому сражению.

Таким образом, перед нами не столько взвешенная оценка сражения, сколько попытка создания «героического деяния» польского корпуса на Старой Смоленской дороге. Мемуары в отличие от писем и дневников, написаны по прошествии часто довольно длительного срока и рассматривающие события прошлого «через призму времени», подчас с изменившихся позиций, что ведет к определенным искажениям в виду невозможности всецело восстановить подлинные мысли и ощущения давно минувшего. Тем не менее они сохраняют яркую эмоциональную окраску в повествовании и оценках и позволяют воссоздать образ одного человека в разные периоды его жизни – в тот, о котором идет речь в воспоминаниях, и тот, когда эти воспоминания создавались. С этой точки зрения особый интерес представляют мемуары, автор которых, с одной стороны, пытается с максимальной полнотой и точностью восстановить свои мысли, чувства и поведение в описываемый им период, а затем выражает свое к ним отношение, сформировавшееся на протяжении ряда лет, а иногда и целой жизни.

В заключении следует сказать, что мемуары Генрих Дембинский писал на закате своей жизни эмигранта-изгоя и потому вынужден был опираться лишь на свою память, которая его не только подводила, но и искажала общую картину описываемых событий. Основную задачу, которую автор ставил перед собой, он точно выразил в следующих словах: «Сегодня о нас стараются забыть, однако от нас самих зависит, чтобы Бог нас помнил».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Pamietnik Henryka Dembinskiego generała wojsk polskich. Poznan, 1860.

² Там же. С.121

³ *Тартаковский А.Г.* 1812 год и русская мемуаристика: опыт источниковедческого изучения М., 1980. С.190

⁴ Там же. С.191

⁵ Dembinski H. Op. cit. S. 39–99?

⁶ Там же. S. 114–142

⁷ Там же. S. 133–134

⁸ Там же. S. 134

⁹ *Jelski L. Marsze I Dzialanie // Pamietniki Polskie. Paryz, 1845. Vol.3; Kolaczowski K. Wspomnienia. Krakow, 1898; Записки генерала Колачковского о войне 1812 года // Воен.- ист. сборник. 1911, №4.*

¹⁰ *Jelski L. Marsze I Dzialanie. S. 49–54.*

¹¹ Записки генерала Колачковского о войне 1812 года // Воен.- ист. сборник. 1911, №4, С. 124

¹² *Земцов В.Н., Попов А.И. Бородино: Южный фланг. М., 2009. С. 70.*

¹³ *Попов А.И. Боевые действия в Утицком лесу // Отечественная война 1812 года. Источники, памятники, проблемы. М., 2007. С. 52*

¹⁴ *Dembinski H. Op.cit. S.136*

¹⁵ Там же. S.137

¹⁶ Там же. S.139

¹⁷ Там же. S.139

Приложение

Перевод выполнен Арзамасцевым И.В.

Дембинский Генрих

Описание участия корпуса Понятовского в Бородинском сражении

В тот день ожесточенных боев было гораздо больше, чем обычно. Москалы упорно защищали каждую позицию, ибо они достигли места, которое именовали Святой долиной и где возвели в ожидании решающей битвы свои укрепления¹.

Наши четыре конных полка и конная артиллерийская батарея в этот день несколько раз рысью проходили вокруг левого крыла русских, чтобы сзади напасть на них, но вынуждены были отступить. Примерно в 4 часа пополудни мы, формируя фронт, построились в форме дуги, чтобы с тыла атаковать русские войска, защищавшие свои позиции, но оказались перед сильным русским редутом, в котором было 18 орудий. Холм, на котором находился редут, имел форму, напоминавшую сахарную голову, и приступы к нему со всех сторон были достаточно крутые; этот редут прикрывал левое крыло русской армии².

Император Наполеон хотел, чтобы еще накануне, 5 сентября, этот редут был нами захвачен. Он, раздраженный сопротивлением, какое москалы

ему оказывали, послал нам в помощь 57-й полк французской линейной пехоты. В отражении наших атак принимала участие и их тяжелая кавалерия, которую поддерживала пехота Багратиона³.

После кровавого боя редут с орудиями попал в наши руки, захватил его посланный нам в помощь французский полк⁴. Никогда не забуду, как на следующее утро огласили приказ, что 6 сентября предназначено армии для подготовки к решающему жестокому сражению, для которого мы должны выступить при полном параде.

Солдаты чистили патронные сумки, офицеры седлали коней, чтобы встретить грядущее сражение. За всю свою жизнь я участвовал во многих сражениях, но я не припомню, чтобы видел столько трупов, так густо лежащих. Мой конь скакал подо мной как коза, так как не мог сделать ни шагу, чтобы не наступить на труп или москаля, или солдата 57-го полка. Помню под стволом орудия молодого офицера этого полка, правая рука которого вытянута по направлению к орудью, а лицо, лежащего навзничь [человека] сохранило выражение, с каким он шел в атаку. Высланные в окрестности отряды привезли немного пшеницы в снопах и разной живности. Около 9 вечера нам было приказано седлать коней, трубки не курить и без громких разговоров следовать маршем с милю прямо по дороге. Дорога, которой мы следовали шла плоской долиной через заросли орешника, здесь нам приказано было остановиться и, держа коней в поводу, дожидаться следующего утра.⁵

Мы находились на поле, где горстями лежал свежескошенный лен, который мы давали своим коням, чтобы хоть немного заглушить у них чувство голода. Поутру мы оседлали коней и построились флангом налево. Тут надо дать краткую зарисовку местности, на которой произошла одна из самых грандиозных мировых битв. Напротив главных сил императорской армии находился склон, спускавшийся по направлению французской армии, за которым простиралась широкая равнина более мили длиной, полого спускавшаяся по направлению к Можайску. За левым крылом крутого склона располагались под прямым углом позиции русской армии. Напротив армии французской встал на возвышенности корпус Багратиона, который в середине своей позиции имел мамелон⁶, где стояла его артиллерия без всяких шанцев⁷.

Возвышенность эта доминировала над всей равниной, через которую должен был двигаться наш корпус, чтобы атаковать левое крыло русской армии. От нашего левого крыла до правого крыла французской армии по равнине проходила дорога с милю длиной, заросшая ольхой. Крутой склон

против французской позиции был оборудован многочисленными и мощными шансами, а между редутами всюду в шахматном порядке были выкопаны волчьи ямы, которые были устроены так, что русский пехотинец мог в ней скрываться чуть ли не в полный рост⁸.

Князь Понятовский досконально мог оценить обстановку на поле боя и выбрать из всех решений самое выгодное. Он видел, что Багратион утратил свои позиции. Все шансы главной линии обороны русских были заняты нами с тылу⁹, и в связи с этим Понятовский отдал следующее распоряжение. Во-первых, нашим четырем полкам развернуться фронтом в две линии, при том, что неприятель продолжал атаковать нас сильным артиллерийским огнем. Мы простояли так некоторое время, пока не пошла наша пехота¹⁰.

Под защитой расширенного фронта и шести наших орудий, миновав нас, пехота начала выстраиваться перед нашей позицией. Неприятель нас громко приветствовал, особенно гранатами. Помню, как под командиром – кажется, это был 17-й пехотный, – князем Константином Чарторыйским гранатой убило коня, увесистый осколок поразил его в бок. Скорым временем пехота, насчитывающая 600 человек и стоящая перед нами, начала готовиться к бою. Князь Понятовский приказал нашим четырем полкам построиться в колонну поэскадронно. Все четыре полка выстроились в форме четырехугольника и двинулись вперед, заняв позицию в зарослях ольхи, которыми было окружено наше правое крыло и которые предназначались на случай отвода пехоты. Полк наш входил в состав левого крыла колонны, так что мы первыми должны были ударить на шанцы Багратиона¹¹.

Князь Понятовский уже должен был дать приказ атаковать, когда на наше несчастье случилось приехать генералу Себастьяни, который обратился к Понятовскому: «На милость Божью, князь, что ты хочешь делать? Казаки между нами и французами, а французская армия состоит преимущественно из пехоты, окруженные, мы будем отрезаны, и все наши усилия окажутся напрасными»¹².

Князь с видимым знаком неудовольствия слушал Себастьяни и удерживал своего коня вместе с целой колонной. Я могу описать все подробно, так как находился в это время рядом с князем, видя, что он намеревается атаковать противника. Через мгновение он поскакал вместе со своим штабом, направляясь влево к зарослям, где, как уверял Себастьяни, находилась французская армия, и спустя немного времени наш полк получил приказ выступать за князем¹³.

Здесь мы образовали фронт так, что наше правое крыло расположилось впрытык к тому месту, где находилась батарея Багратиона, при этом наша позиция была обращена в сторону кустов¹⁴.

Мы оказались в невыгодном для нас положении, поскольку неприятельский косой огонь в самое непродолжительное время вырвал из наших рядов 40 человек и среди них всеми любимого подпоручика Вержбицкого из Любеля. Князь Понятовский, высматривая французов, продолжал ездить перед кустами, приподнявшись на стременах. Однако тех там не было, их не обнаружили и тиральеры, высланные вперед, однако русских тиральеров было предостаточно¹⁵.

Постоянно из зарослей появлялись четверо или пятеро русских егерей и брали князя на прицел, но к счастью ни один из них не попал в него. Пехота наша вскоре открыла по ним огонь, но они упорно оборонялись, и из кустов вышли ранеными полковник Вайсенхоф, майор Суходольский и ряд других.¹⁶

Сражение, продолжавшееся до самых сумерек, носило как наступательный, так и оборонительный характер. Только под вечер войска Багратиона оставили свои позиции, защищать которые уже не было никакого смысла, так как главная линия обороны, представляющая редуты, располагавшиеся напротив фронта французской армии, были окружены и захвачены тяжелой французской кавалерией.¹⁷

Кровопролитный это был бой. Двое предводителей корпуса тяжелой кавалерии один за другим погибли – Монбрен и Коленкур. Наша польская кавалерия, которая находилась при главной армии, тоже понесла немалые потери, погиб командир 3-го уланского полка Раджиминский. Жестокий это был бой в густых зарослях, так как беспомощный, тяжело раненный человек, оказавшийся здесь без всякой помощи, должен был погибнуть, так как никто не смог бы его найти. Так погиб любимец всего полка отважный Раджиминский, которого так и не смогли отыскать. Так же в районе Смоленска во время атаки моста через Днепр среди густых клубов дыма погиб и генерал Грабовский, смерть которого его адъютант и мой приятель Сечень, раненый в этом бою штыком, не увидел. Во время битвы под Москвой, а вернее под Бородино, так называлась деревня, которую москали сожгли, чтобы не дать возможность подойти к шансам, мы с грустью смотрели на многочисленную колонну императорской армии, находившуюся за центром французской армии и стоящую далеко от огня. Если бы император, командовавший нашим польским корпусом, состоявшим из 8000 отборных солдат и носившим название «Легион Висла» под

командованием генерала Хлопицкого, который входил в Старую гвардию, на день битвы присоединил к войскам Понятовского, мы бы уже в 9 часов утра отбросили бы корпус Багратиона и все дальнейшие столкновения с императорской армией удалось бы предотвратить. Может быть, мы и без этого отбросили бы Багратиона, если бы не злополучный совет Себастьяни. Князю Понятовскому сложно было не принять его. Несмотря на то что Себастьяни находился под его началом в качестве командира наших четырех полков (легкой кавалерии), было заметно, что император был к нему более расположен, чем к князю Понятовскому. В течении всего похода Себастьяни пользовался каждой возможностью, чтобы понравиться императору.¹⁸

Я сам как-то был послан к Понятовскому, чтобы выяснить, как он собирается действовать и каким наилучшим образом он собирается поддерживать Себастьяни. В общем то, что наступило на следующее после битвы утро, подтвердило расположение, которое император испытывал к нему, когда после смерти Монбрена и Коленкура Себастьяни был назначен командующим тяжелой конницей императорской армии. После отступления Багратиона и даже во время самого отступления мы пытались атаковать и овладеть его позицией, но не получили поддержки. Но нам все же удалось захватить эту позицию, с которой до этого по нам вели артиллерийский огонь¹⁹. Но поскольку мы находились в густых кустах и ночь была темной, то продолжать наступление было невозможно. Мы стали лагерем, и хотя стояла глубокая ночь, во все стороны были высланы фуражиры, и таким образом мы пополнили свой фураж, и пшеничных снопов у нас было в избытке. В связи с тем, что выстрелы в зарослях продолжали звучать, мы испытывали некое замешательство. Около полуночи в расположение нашего отряда вышел потерявший коня и заблудившийся полковник Адам Потоцкий, командовавший 11-м кавалерийским полком, который был не очень умелым солдатом, но отважным человеком, прибывший вместо расположения своего отряда к нам. Назавтра день выдался очень холодным, к тому же всю ночь мы провели не разводя огня. До трех часов пополудни преследование неприятеля нами не предпринималось, что, кажется мне, было большой ошибкой, так как спустя несколько дней после того, как нами были захвачены в плен несколько вражеских фуражиров, мы выяснили от них, что в их войсках было большое замешательство и нам следовало продолжить преследование. Не знаю, так ли это было на самом деле, но скорее всего нет, так как русские умело вели отступление, и никакого замешательства в их рядах не было. Вскоре мы приблизились к Можайску,

и нас приветствовали артиллерийским огнем. Обстрел продолжался до глубокой ночи, что способствовало продолжению отступления русских.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Так Генрих Дембинский определяет район Бородинского поля. Вероятно, название «Святая долина» появилось уже позже Бородинского сражения. Ни в одном источнике Бородинское поле так не называется.

² Речь идет о Шевардинском редуте. Генрих Дембинский ошибается: на самом деле на редуте находилось 12 орудий.

³ Редут и прилегающую к нему территорию защищал отряд генерал-лейтенанта А.И. Горчакова численностью 11 тысяч единиц войск и 46 орудий. На самом редуте было размещено двенадцать орудий 12-й батарейной роты под командованием подполковника Р.А. Винспера. Всего в Шевардинском бою с русской стороны приняло участие, с учетом переданных во время боя Горчакову резервов, 36 батальонов пехоты, 38 эскадронов кавалерии и 46 орудий. Неприятель, охватывая Шевардинский редут с севера и юга, пытался окружить войска Горчакова. По русской версии боя, французы дважды врываются на редут, и каждый раз пехота Д.П. Неверовского выбивала их. На Бородинское поле спускались сумерки, когда противнику еще раз удалось овладеть редутом и ворваться в деревню Шевардино, но подошедшие русские резервы из 2-й гренадерской и 2-й сводно-гренадерской дивизий отбили редут. Бой постепенно ослабел и наконец прекратился. Кутузов приказал генерал-лейтенанту Горчакову отвести войска к главным силам.

⁴ Полком командовал полковник Шарль Луи Шарьер. За Шевардинский бой командир полка был произведен в бригадные генералы, в этом непосредственная заслуга всего полка. Под его началом на 25 июня 1812 г., т.е. перед Бородинским сражением, находилось 97 офицеров и 3575 нижних чинов.

⁵ Накануне Бородинского сражения 5-й корпус Понятовского находился в районе Доронино, откуда он начал свое движение в сторону Старой Смоленской дороги.

⁶ Мамелон (от фр. форт), земляное укрепление на возвышенности.

⁷ Шанец (от нем. укрепление), небольшое земляное фортификационное сооружение для защиты артиллерийских орудий

⁸ 22 августа 1812 г. стало возводиться это укрепление, замкнутое в плане и предназначенное для круговой обороны. Строительством этого редута М.И. Кутузов не только укреплял позицию левого фланга, но и предупреждал возможность внезапного удара со стороны наступающей с запада армии Наполеона по основным силам русской армии. Однако полностью

укрепление не было закончено, в частности, бруствер был таким низким, что артиллерийский огонь велся поверх него. Таким образом, защитники оставались практически без укрытия.

⁹ Здесь речь идет, очевидно, о батарее Раевского.

¹⁰ Речь идет о Семеновских флешах. Причем о том времени, когда южная флеш ненадолго была захвачена 57-м полком под командованием Ж.Л. Шарьера. Таким образом, мы можем датировать момент, когда это произошло. Из этого факта становится ясно, что поляки не только не первыми ударили по флешам, как рассчитывал Наполеон, но они, когда эта атака произошла, находились только на пути к Старой Смоленской дороге, двигаясь по которой, им надлежало зайти в тыл отряду Багратиона и ударить на него с тылу.

¹¹ Артиллерийская атака, о которой пишет г. Дембинский, производилась с Семеновских флешей.

¹² Исходя из воспоминаний г. Дембинского, атака 5-го корпуса Понятовского на Семеновские флешы должна была производиться не со стороны Старой Смоленской дороги, как предполагал Наполеон, а не доходя до нее, на открытом пространстве перед Семеновскими флешами.

¹³ Дивизионный генерал Орас Себастьяни командовал кавалерией 5-го корпуса. После смерти Монбрена в Бородинском сражении занял его место и командовал 2-й кавалерийской дивизией корпуса Монбрена. Упоминания о встрече Себастьяни и Понятовского есть лишь у г. Дембинского.

¹⁴ Таким образом, из мемуаров г. Дембинского получается, что вместо того чтобы предпринять решительную атаку для поддержки французов и решить основную задачу, которую перед ними ставил император, они втянулись в затяжные бои на Старой Смоленской дороге

¹⁵ Здесь речь также идет о Семеновских флешах.

¹⁶ Под «русскими тиральерами» здесь надо понимать отряды русских егерей, находившихся в зарослях, окружавших район Старой Смоленской дороги.

¹⁷ Здесь перед нами смешение разных временных эпизодов, а именно начала сражения и его завершающей стадии. Полковник Вайскехофф – начальник штаба 16-й пехотной дивизии – не мог появиться со стороны Старой Смоленской дороги, когда войска 5-го корпуса только находились по пути к ней.

¹⁸ Действительно, защищать в это время Старую Смоленскую дорогу уже не имело смысла, так как основная стратегическая задача – не дать выйти в тыл 2-й Западной армии П.И. Багратиона корпусу Понятовского – была выполнена.

¹⁹ Общая оценка сражения у г. Дембинского явно тенденциозна. Фактически, в его интерпретации сражение в районе Старой Смоленской дороги

и участие 5-го корпуса Понятовского ставится в центре всего хода Бородинской битвы. «Совету» же Себастьяни отводится просто роковая роль.

²⁰ Перед нами совершенно неверная оценка захвата русских укреплений на Утицком кургане. Захват происходит тогда, когда отпадает необходимость в его обороне, и совершенно не понятно, о каком подкреплении может идти речь. Корпус Понятовского на Старой Смоленской дороге оказался полностью отрезанным от остальных сил наполеоновской армии.